

— Ты беспокоишься обо мне? О, дорогая, на самом деле всё идёт просто замечательно, словно сценарий, написанный Богом и нами вместе.

В глазах Оскара засветился яркий блеск. Он сел рядом и обнял свою возлюбленную.

— Дорогая, только благодаря тебе я смог сделать этот шаг. До этого я не знал, что купцы сталкиваются с такой несправедливостью, что их жизнь настолько тяжела. Ты же знаешь, даже будучи мелким обедневшим дворянином, я всё ещё наслаждался положением, которое было на ступень выше, чем у богатых людей, и я даже не пытался понять их, посочувствовать им. Я искренне надеюсь, что это дело поможет им.

Он замолчал на мгновение, а затем засмеялся.

— Но прежде всего оно точно помогло мне. Знаешь, в Драдесе я спас множество дворян от случайной гибели от рук повстанцев. Меня заметили, и это, конечно же, неизбежно. Возможно, впоследствии Его Величество король наградит меня медалью?

Он надавил на виски.

— Я не знаю. Ах, да, бедный король. Никто не мог представить, что среди повстанцев найдётся кто-то, кто осмелится на такое. Они даже объединились со стариной Сэйджем. Сейчас во дворце полный хаос, но я знаю, что короля скоро выпустят. Честно говоря, сейчас городской центр уже контролируется семьёй Дитра, а он — доверенное лицо короля. Я не могу понять, почему он до сих пор не освободил короля.

Он продолжал говорить без умолку. Очевидно, даже для него этот день был слишком насыщенным.

Лицо Чжоу Тяньтянь постепенно успокаивалось по мере его рассказа, словно она действительно нашла утешение в его объятиях. Она перестала дрожать, и на её бледном лице появился лёгкий румянец, который придавал ей странное возбуждение.

Да, возбуждение.

Несмотря на её спокойное выражение лица, словно под гладкой поверхностью льда скрывалась лава, в её глазах читалось возбуждение. Она чётко понимала, что этот милый и благородный мужчина пока не задумывался о том, чтобы стать королём, но что с того? Когда придёт время, это произойдёт само собой. И она знала это. Чтобы её герой достиг ещё больших высот, чем в истории, она была готова проложить ему путь.

Да, этот момент был настолько редким, что она не могла представить другого случая, когда Оскар смог бы так естественно войти в центр власти и значительно ослабить влияние дворян и церкви.

Она пристально смотрела на красивое лицо своего возлюбленного с чёткими чертами, задумчиво размышляя:

«Если бы ты знал, что я сделала, ты бы всё ещё любил меня? Ты бы испугался и перестал бы общаться со мной?»

Она вспоминала свои планы: вызвать у Оскара интерес к купеческому классу, чтобы повлиять на его будущие политические взгляды, а также сблизить его с людьми из торговой ассоциации; намекнуть его подчинённым связаться с повстанцами, чтобы создать двойную стратегию;

использовать симпатию начальника дворцовой охраны Сэйджа к нему, чтобы вызвать его недовольство текущей ситуацией во дворце, а затем позволить повстанцам захватить дворец...

Да, сейчас Оскар даже не подозревал, что арест короля был его идеей. Он всё ещё надеялся, что это принесёт ему благосклонность короля. Даже те, кто арестовал короля, просто хотели выразить свой протест. Как они могли предвидеть, что она использует это, чтобы унижить королевский авторитет и затем, воспользовавшись хаосом, взять короля под контроль?

Взгляд Чжоу Тяньтянь становился всё твёрже. Она знала, что, если кто-то обнаружит её действия, это приведёт к катастрофе, от которой не будет возврата. Но история уже изменилась, и вернуться к прежнему состоянию было невозможно. Сейчас они имели преимущество, и вместо того, чтобы отступить на полпути, лучше было продолжать идти вперёд!

«Оскар, я подготовлю всё для твоего восхождения на трон».

Она молча произнесла это в своём сердце.

==

Когда люди оправляются от первоначального восторга, паники и удивления, они начинают успокаиваться и думать о более разумных вещах. Например, когда этот удивительный день прошёл, многие, кто не спал всю ночь, поняли — неудачливые купцы и «успешные» дворяне, — что они ничего не могут сделать с королём. Король остаётся королём, даже если сейчас он находится в тюрьме.

Дворяне оказались в затруднительном положении. Они знали, что должны освободить короля.

Но... когда посланники прибыли в тюрьму, они обнаружили, что камера совсем не такая, как они представляли.

Нет, нельзя сказать, что она совсем не такая, но здесь было чисто и аккуратно. Хотя и не так роскошно и комфортно, как они ожидали, но небольшой очаг согревал комнату, на столе стояли сладости и чай, была удобная кровать и мягкий диван, на столике лежало несколько книг, а свеча догорала, оставляя короткий огарок.

Король лежал на кровати, спокойно спя. Проснувшись от шума, он спокойно зевнул и оглядел толпу.

— Что вы здесь делаете?

Люди переглянулись.

— Ваше Величество, сейчас на улице уже безопасно. Как насчёт того, чтобы вернуться во дворец?

Один «умник» попытался представить это событие как «стратегическое» отступление короля в критический момент.

Король с интересом посмотрел на него, слегка приподняв изящный подбородок.

— Имя, должность?

Этот жест был несколько небрежным и даже немного невежливым, но, когда он исходил от

короля, это казалось совершенно естественным. Собеседник тоже не чувствовал себя оскорблённым, а, напротив, был польщён — конечно, все знали, что молодой король не помнил имён большинства министров, зато мог перечислить всех девушек из их семей.

— Ваше Величество, я — министр иностранных дел, маркиз Новенти.

— Министр иностранных дел, вот почему вы говорите с людьми на их языке, а с духами — на их.

Хань Сю бросил эту фразу, затем посмотрел на Хоффмана, который выделялся своим ростом среди толпы, и, поправив свободный воротник, произнёс:

— Ваше Высокопреосвященство.

— Да, Ваше Величество.

— Видите, я сейчас в таком неряшливом виде, а вы собрались здесь целой толпой. Разве не стоило бы для начала дать мне привести себя в порядок? Вы прибыли, чтобы забрать короля домой, но при этом не привезли ни одного слугу, чтобы помочь мне. Что вы задумали?

Хоффман посмотрел на него и спокойно вышел из толпы.

— Действительно, мы не подумали об этом. В качестве наказания позвольте мне помочь Вашему Величеству умыться. Господа, не могли бы вы выйти и подождать снаружи?

Встретив взгляд Хань Сю с поднятой бровью, Хоффман спокойно выдержал его, совершенно не смущаясь тем, что только что сказал нечто шокирующее.

— Хорошо, останься.

Те, кто стоял за ним, почувствовали, как между двумя мужчинами возникла особая атмосфера, в которую никто другой не мог вмешаться. Находясь на высоких постах, они, конечно, не были полными невеждами в политике, и никто не мог не осознавать влияние «короля» на них после неоднократных напоминаний Хоффмана. Но, несмотря на это, тот факт, что архиепископ, занимающий столь высокое положение и фактически являющийся одним из двух мужчин, управляющих страной, лично помогает королю умыться, был шокирующим. И король согласился.

Такое поведение заставляло людей не знать, что думать: то ли презирать архиепископа за «подхалимство», то ли восхищаться близостью отношений между королём и архиепископом.

По мере того как уходящие оглядывались каждый шаг, закрывая за собой двери, полные любопытства, Хоффман закрыл маленькую решётку. Когда защёлка щёлкнула, Хань Сю тихо засмеялся. Его смех был мягким и нежным, словно мартовский ветерок, лёгкий и прохладный, с лёгким привкусом морской соли. Смех был спокойным, но с ноткой холодного безразличия. Вновь этот смех короля заставлял его жаждать большего.

Он повернулся и медленно пошёл к королю, пока не остановился прямо перед ним.